

Людмила Азарова

Капитан своего корабля

Воспоминания о своем отце Всеволоде Борисовиче Азарове я хочу начать с дарственной надписи на книге стихов «Мальчик с обручем», которую он подарил нам с мужем в 1984 году: «Дорогим Миле и Володе сердечно от мальчика, ставшего неожиданно для самого себя старым капитаном».

А название этим заметкам также пришло из стихотворения В.Б. Азарова «Старые капитаны», где есть такие строки:

Позовите меня, окажите мне честь, капитаны,
Я ведь тоже, как вы, капитан своего корабля...

Отец родился 14 мая 1913 года в Одессе в семье врача. Там он на всю жизнь полюбил море, начал писать стихи, познакомился со своей будущей женой Л.П. Молдаван. В 1930 году мои родители перевелись со второго курса Одесского педагогического института на филологический факультет Ленинградского университета. Я родилась после окончания войны, а моя старшая сестра Марина – в декабре 1940 года. Во время войны маму с Мариной эвакуировали в деревню Черная Краснокамского района.

Отцу было девятнадцать лет, когда в Ленинграде в 1932 году был опубликован его первый сборник стихов «Мужество». Всеволод Азаров работал редактором на радио, писал стихи. В 1941-1945 был военным корреспондентом в редакциях фронтовых газет в Кронштадте, в соединениях балтийских подводников и штурмовиков. Он участвовал в работе оперативной группы писателей при политуправлении Балтийского флота (ПУБалт), руководил которой писатель и драматург Всеволод Вишневский.

Всеволод Борисович Азаров

Всеволод Азаров прошел военным корреспондентом всю войну, участвовал в снятии блокады Ленинграда, освобождении Эстонии, в операциях Балтийского флота в Восточной Пруссии. Во всех биографиях отца упоминается написанная Вс. Вишневским, А. Кроном и Вс. Азаровым героическая комедия «Раскинулось море широко», написанная авторами в блокадном Ленинграде в 1942 году и поставленная на сцене Театра музыкальной комедии – единственного театра, который работал во время блокады.

Но все это достаточно известные факты, отраженные во всех официальных биографиях, статьях и книгах о писателях в годы войны. Подробно о работе над опереттой «Раскинулось море широко» и о сценической судьбе блокадного спектакля рассказывается в книге Ю. Алянского «Театр в квадрате обстрела». Много интересных материалов хранится в школьном народном музее «А музы не молчали...». Мне же хочется рассказать одну историю, которую знают, к сожалению, уже не все, и о том, как она запомнилась в нашей семье.

Сколько я себя помню, отец всегда очень плохо видел, у него была сильнейшая близорукость, во время блокады Ленинграда зрение почти пропало. А человеком он был очень деятельным, много ездил, встречался с героями своих книг, руководил флотским литературным объединением «Путь на моря», которое теперь носит его имя. Все друзья и близкие знали, как ему трудно передвигаться по городу и в поездках одному, поэтому часто становились попутчиками. Мама всегда была его помощником, лите-

ратурным секретарем, редактором и первым читателем, а иногда и критиком. Мне тоже довелось сопровождать отца, встречаться со многими интересными людьми, побывать даже на военных кораблях. Как-то раз в День флота мы попали на подводную лодку, которая пришла на праздник из Эстонии. До сих пор не могу забыть, как бесстрашно спускался Всеволод Борисович по узким крутым лестницам, но моряки были начеку.

Однажды, когда я была еще ребенком, отец привел меня в дом, у нас в семье все называли его «домик», на улице Профессора Попова, 10 (бывшая ул. Песочная), где жила писательница Ольга Константиновна Матюшина, вдова художника Матюшина. Мы поднялись на второй этаж, я увидела комнату, о которой тогда еще ничего не знала. Они с отцом долго и взволнованно о чем-то разговаривали, упоминали Всеволода и Соню (я догадалась, что речь шла о Всеволоде Вишневском и его жене художнице Софье Касьяновне Вишневецкой). Потом мы спустились во двор, уж не помню точно, какие там были растения. Сидя на скамеечке, они вспоминали какие-то грядки, огород. Как выяснилось потом, речь шла о блокадном огороде у дома Матюшиной, который помогал им выжить. Но одно я запомнила точно: они говорили о чем-то очень, очень важном...

А теперь о том, как причудливо переплелась судьба людей и «домика». Когда я пришла работать в ЛЭТИ, то уже знала из рассказов отца, что во время войны, а точнее – в 1942 году, оперативная группа писателей при политуправлении Балтийского флота переехала вместе с военным советом и политуправлением в здание второго корпуса Ленинградского электротехнического института. В конце лета 1942 года Вишневского вызвали в Военный совет Ленинградского фронта и поставили задачу: к 25 годовщине Октябрьской революции написать пьесу, но только не трагедию, ее и без того хватало, а комедию, даже оперетту. Ведь единственным театром, который в те дни работал, был Театр музыкальной комедии. Вишневский пригласил своих друзей А. Крона и В. Азарова и сообщил о боевом задании. На все про все отводилось не более трех недель. Никто из авторов до этих пор не писал комедий, а тем более оперетт. Вот тут они и попросили начальство разрешить им поселиться на время вместе. Так

они по приглашению О.К. Матюшиной оказались в ее квартире в деревянном домике на Песочной (Профессора Попова) улице, 10.

В комнате, где коммуной поселились три товарища, были поставлены три железные койки и три письменных стола. Вот туда и привел меня отец во время моего первого посещения домика. Я тогда мало что понимала.

Тут я хочу привести строки из стихотворения отца 1943 г., где он вспоминает то время, а еще пишет о маме, которая находилась с маленькой дочкой в эвакуации:

В этой комнате все не мое,
Стол треногий, чужая кровать.
Только стопочкой книги, белье, –
Долго ль с вами еще кочевать?
А на книгах твой давний портрет,
Юга, юности нежной черты.
Улыбаешься мне столько лет,
Девятнадцатилетняя, ты.

Но вернемся в блокадный город. Как же им все-таки удалось за 17 дней написать героическую комедию, оперетту о героизме балтийских моряков?!

Я долго не могла понять, почему, когда к нам приезжал из Москвы Александр Крон, начиналось застолье, шли воспоминания, и вдруг отец и Шура, так он его называл, запевали нестройными голосами «Мечтать я буду об этой пупочке...». Пока не прочитала в книге В. Азарова о Вишневском: «Тогда мне казалось, что особенно трудно приходится мне. (Отцу была поручена вся стихотворная часть оперетты.) Недаром в нашей коллективной стенгазете меня не раз упрекали за задержку «запчастей» – арий, дуэтов, куплетов...

Я просыпался под бодрое пение Крона, стоявшего над головой и старательно исполнявшего: «Мечтать я буду об этой пупочке...». Так втягивал он меня в специфику оперетты. Я хватался за голову, не зная, что делать. Но Крон и Вишневский были неумолимы, и я в меру своих сил старался написать куплеты».

Каждый день Н-ское соединение трех авторов выпускало свой шуточный «Боевой листок». В нем сообщались новости, критико-

вались отстающие. Из листка было очевидно, писал отец, что гарнизон маленького деревянного дома на Песочной устал и далеко не сыт. Об этом вопияла «шапка» одного из «листков» – «Мяса!».

Отец еще при жизни передал в различные архивы и библиотеки множество документов, писем, блокадных предметов. Но с рукописными «Боевыми листками» не хотел расставаться ни за что. И они до сих пор бережно хранятся в доме на улице Ленина, где жили мы с родителями, а теперь живет сестра Марина со своей семьей. Когда смотришь на эти живые свидетельства страшной войны, блокады, но и огромного мужества и жизнестойкости, словно попадаешь в другой мир, где три боевых товарища, подбадривая друг друга, смеялись над трудностями и жили с мыслью о победе.

Хочу привести несколько записей из «Дневников блокадных лет» Всеволода Вишневского: «Наш домик хотят сломать на топливо. Послал в горком и райисполком просьбу сохранить домик. Маленький дом... В нем так хорошо...». 7 сентября 1942 г. А вот запись, сделанная в ноябре 1942 года: «Обеспечил Азарову месячный отпуск, кроме того, его переведут в авиасоединение. Там ему будет легче работать. *У него очень ухудшилось зрение...*». О тяготах войны отец мало рассказывал, практически ничего. Быть может, я не очень прислушивалась. Но когда приходили в гости друзья-фронтовики, герои его будущих стихов и книг, их лица освещались каким-то особенным светом, в голосах появлялись иные интонации, и воспоминания уносили их туда, где детям не нужно было быть.

Опять вернемся к записям в дневниках Вишневского: «Вот, казалось бы, блокада, чужой домик, но как тут все стало по-питерски родным, как напряженно мы здесь работаем. Сроднились с ним, с книгами, рисунками – со всем духом, историей домика... Он наш писательский». 22 декабря 1942 г.

Домику, как и всем деревянным постройкам в осажденном Ленинграде, грозила участь быть разобранным на дрова. И тогда его спас именно Вишневский. Вот как об этом вспоминает отец: «Когда дом уже пришли сносить, Вишневский вышел в кители при всех регалиях и произнес небольшую речь. Из нее явствовало, что дом, где жили и работали художник М. Матюшин, поэтесса

Е. Гуро, где неоднократно бывали В. Маяковский, В. Хлебников, где, наконец, черт возьми, мы создали свое «Раскинулось море широко», заслуживает лучшей участи, чем быть распиленным на дрова. В результате дом уцелел, он и сегодня живет, светит своими окошками из-за деревьев и забора; на стене мемориальная доска с упоминанием, что здесь в военные годы жил и работал Вишневский».

И еще из военных воспоминаний отца:

«Вот окно нашего домика, из которого Софья Касьяновна нарисовала неведомо как сохранившуюся напротив будку булочника с флюгером наверху – красным петушком.

Теперь уже нет ни будочки, ни петушка. Я храню эту картину...»

И эта картина с изображением будочки, увенчанной флюгером-петушком, написанная из окна домика на Песочной, 10, продолжает храниться в доме сестры. Она висела у отца в кабинете рядом с фотокарточкой девятнадцатилетней мамы, которую отец пронес через всю войну, да и через всю жизнь.

А что же домик? Я помню, отец, пока еще была жива Матюшина, и когда ее не стало, все время куда-то звонил, беспокоился за судьбу домика, который так много для них всех значил. В июне 1977 г. здание было передано Музею истории города. В 1987 году в доме случился пожар, отец продолжал биться за его восстановление. В 2004 году дом отстроили заново и открыли в нем музей авангарда.

Когда я думаю о судьбе домика, мне вспоминаются другие пожары. В Одессе, где во время войны погибли родители отца, в Доме писателей на улице Маяковского (ныне Шпалерная). Отец не дожил до этих времен, его не стало в апреле 1990 года. Что ж, авангард – это здорово и интересно. Но стоит ли забывать хоть какую-то часть истории, тем более такую? Вопрос риторический.

А блокадная премьера героической комедии «Раскинулось море широко» состоялась:

Звучал оваций гром,
Был людям страх неведом,
Мы нашу над врагом
Предвидели победу.

Под небом грозовым
Морские флаги вьются.
Народ непобедим,
Когда бойцы смеются.

И закончить воспоминания о Всеволоде Азарове я хочу строками из его любимого стихотворения «Старые капитаны», с которых начался этот рассказ.

К мысу Горн я не шел и не плыл на далекую Кубу,
Но я знаю другие течения, другие моря.
Горький ветер балтийский не раз охлаждал мои губы,
Там, где юность давно утопила на дне якоря.
Погибали друзья, но другим открывались глубины,
К самым дальним портам я опять выбираю маршрут,
Потому что команды своей никогда не покину,
И туда уплываю, где новые вахты встают.
На Приморском бульваре сидят на скамье ветераны
И ревниво следят, как сынов провожает земля.
Позовите меня, окажите мне честь, капитаны,
Я ведь тоже, как вы, капитан своего корабля.

